

Страхъ смерти.

Разговоръ съ гр. Л. Н. Толстымъ.

Врилагаемая фотографія изображаетъ собой рѣдкій случай присутствія гр. Л. Н. Толстого съ нѣкоторыми членами его семьи, на многолюдномъ собраніи одного ученаго общества, въ стѣнахъ Московскаго университета, въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Какъ извѣстно, Л. Н. всегда избѣгалъ подобныхъ многолюдныхъ собраній и, при его обширной популярности, ему трудно было бы и непріятно въ нихъ появляться благодаря постояннымъ оваціямъ и шуму, сопровождавшему его появленіе. Тѣмъ не менѣе одинъ разъ мнѣ пришлось видѣть его въ такомъ собраніи и даже вести очень любопытный разговоръ. Какъ видно на данной фотографіи, Л. Н. съ своей супругою Софьей Андреевной и дочерью Татьяной Львовной, посаженъ былъ распорядителемъ проф. Мороховцемъ впереди всей аудиторіи передъ самой кафедрой докладчика, читавшаго о цвѣтной фотографіи, тогда новинкѣ. Лекторомъ былъ извѣстный специалистъ П. В. Преображенскій и какой-то военный педагогъ. Присутствовала вся ученая Москва—tout Moscou. Множество профессоровъ, кажется, со всѣхъ факультетовъ: проф. Эрисманъ, проф. Миллеръ, проф. Черниковъ, гр. Комаровскій, проф. Булдинъ, Некрасовъ, литераторъ Баранцевичъ, Баснинъ и мн. др., затѣмъ нѣсколько дамъ—курсистокъ и изъ профессорскихъ семействъ. На первомъ планѣ—инспекторъ студентовъ Давыдовъ и нѣсколько дальше—извѣстная въ Москвѣ своимъ знакомствомъ въ профессорскихъ кругахъ кн. Мышецкая. Студентовъ относительно было мало, отчасти по недостатку мѣсть, такъ какъ обширная фізіологическая аудиторія уже была переполнена, а отчасти, можетъ быть, дѣятельный распорядитель Л. З. Мороховецъ избѣгалъ раздавать билеты молодежи ради спокойствія Льва Николаевича, въ присутствіи котораго она не обошлась бы безъ повторныхъ овацій и шума, какъ тому уже были прецеденты; впрочемъ, изъ женской молодежи—курсистокъ было довольно много.

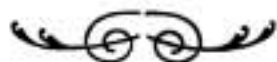
Высокопочитаемый Левъ Николаевичъ послѣдніе годы имѣлъ слабость охотно бесѣдовать о смерти; я припоминаю: въ теченіе моего двадцатипятилѣтняго знакомства съ нимъ, онъ говорилъ со мною на эту тему три раза. Это тѣмъ болѣе удивительно, что описываемое засѣданіе происходило около 20 лѣтъ тому назадъ и, слѣдовательно, Толстой былъ тогда еще не такъ старъ. Я сидѣлъ, какъ видно изъ фотографіи, непосредственно сзади Льва Николаевича съ женой и пріютилъ около себя двухъ мальчиковъ изъ дружественныхъ семей— Ѳедю Миллера и Ѳедю Эрисмана, оба около 10 лѣтъ возрастомъ, которымъ достались сначала мѣста очень далеко позади, и они плавали въ блаженствѣ около меня, сидя близъ Толстого, видя и слыша его!

Передъ началомъ доклада или въ серединѣ его во время антракта, Л. Н. вдругъ обернулся ко мнѣ и, къ моему удивленію, произнесъ вопросъ, который ставилъ мнѣ, какъ я говорилъ, два раза раньше: „Скажите, Иванъ Ивановичъ, боитесь ли вы смерти?“ Я ему отвѣтилъ нѣсколько уклончиво: „Я не особенно озабоченъ этимъ вопросомъ и мало думаю о немъ; если боюсь, то исключительно предсмертныхъ страданій болѣзни“.— „Это потому“, отвѣтилъ Толстой: „что вы сравнительно молоды. Будете старѣе и слабѣе, станете чаще вспоминать о ней, какъ я. А вотъ дѣти совсѣмъ не думаютъ о смерти и нисколько ея не боятся“. Затѣмъ, спросивши меня, кто были мальчики, около меня сидящіе, и какъ ихъ звать, онъ быстро обратился къ нимъ. „Ты, Ѳедя, боишься смерти?“ спросилъ онъ ласковымъ, нѣжнымъ тономъ.— „Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, не боюсь“.— „А ты, другой Ѳедя, боишься?“— „Я тоже не боюсь“.— „Ну, вотъ видите“: сказалъ Толстой, „несомнѣнно я былъ правъ. Вопросъ о смерти тревожитъ преимущественно лишь стариковъ и больныхъ. Значитъ, это прежде всего вопросъ возраста“.

Къ счастью, для Россіи и всего міра тревога Льва Николаевича была не основательна, и онъ прожилъ съ тѣхъ поръ около двадцати лѣтъ на всеобщее благополучіе и далъ міру еще много цѣнныхъ произведеній своего пера. Я вспоминаю также, что я замѣтилъ ему какъ бы для утѣшенія, съ какой стати онъ такъ занятъ этимъ вопросомъ о смерти, когда онъ за свои великіе труды уже *безсмертенъ* при жизни и будетъ таковымъ же послѣ смерти! На что онъ мнѣ отвѣтилъ: „Да я-то не буду ничего чувствовать и сознавать“.

Прилагаемая фотографія снята была при свѣтѣ магнія художникомъ, помѣщавшимся на возвышеніи, въ углу аудиторіи, и снималась два раза, почему произошло нѣкоторое перемѣщеніе среди публики.

Иванъ Янжуль.

Высокопочитаемый Левъ Николаевичъ послѣдніе годы имѣлъ сла-
 бость охотно бесѣдовать о смерти; я припоминаю: въ теченіе моего

два

эту

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

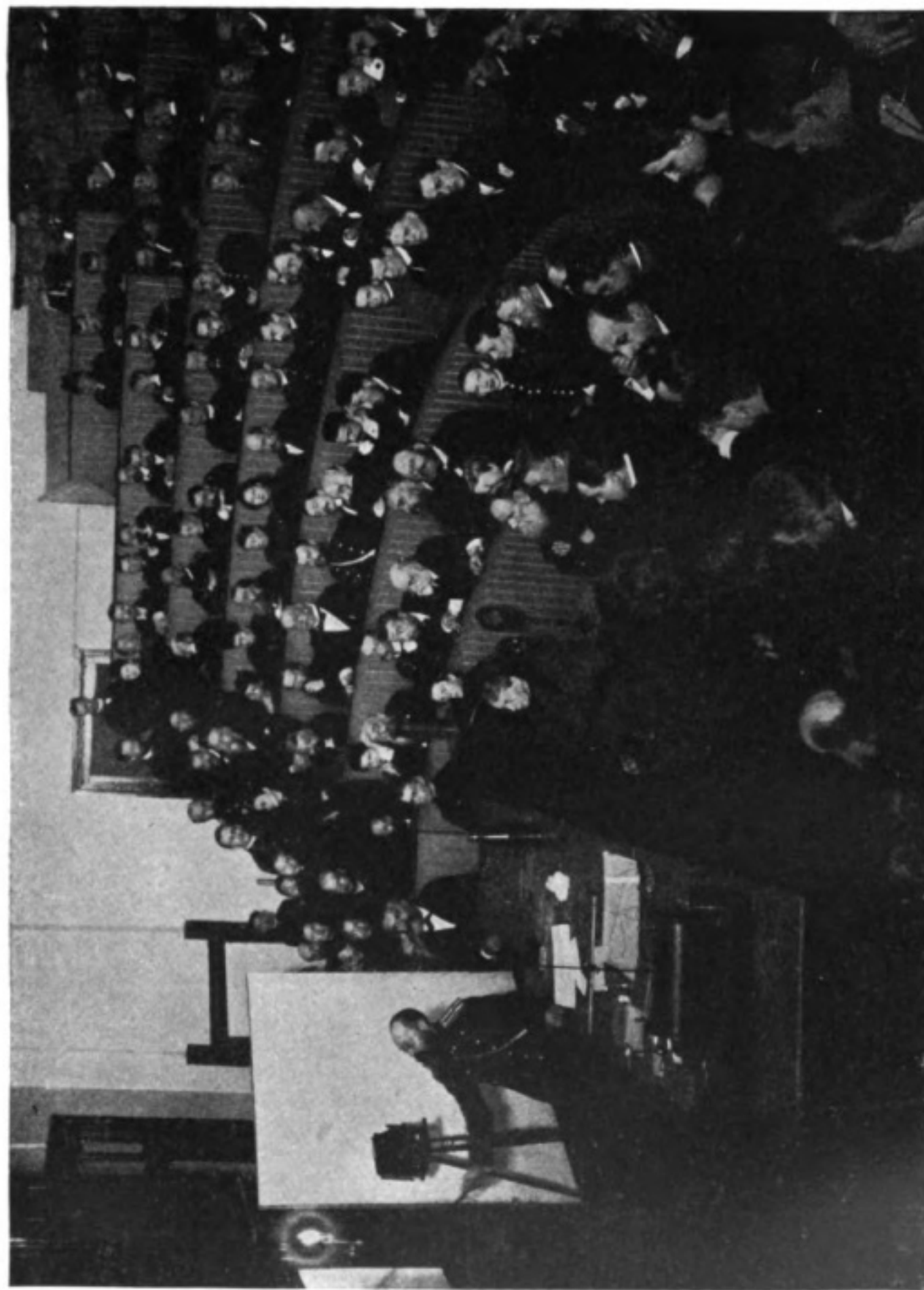
и

и

и

и

и

Публичное, ученое, засѣданіе въ физиологической аудиторіи Московскаго Университета.

